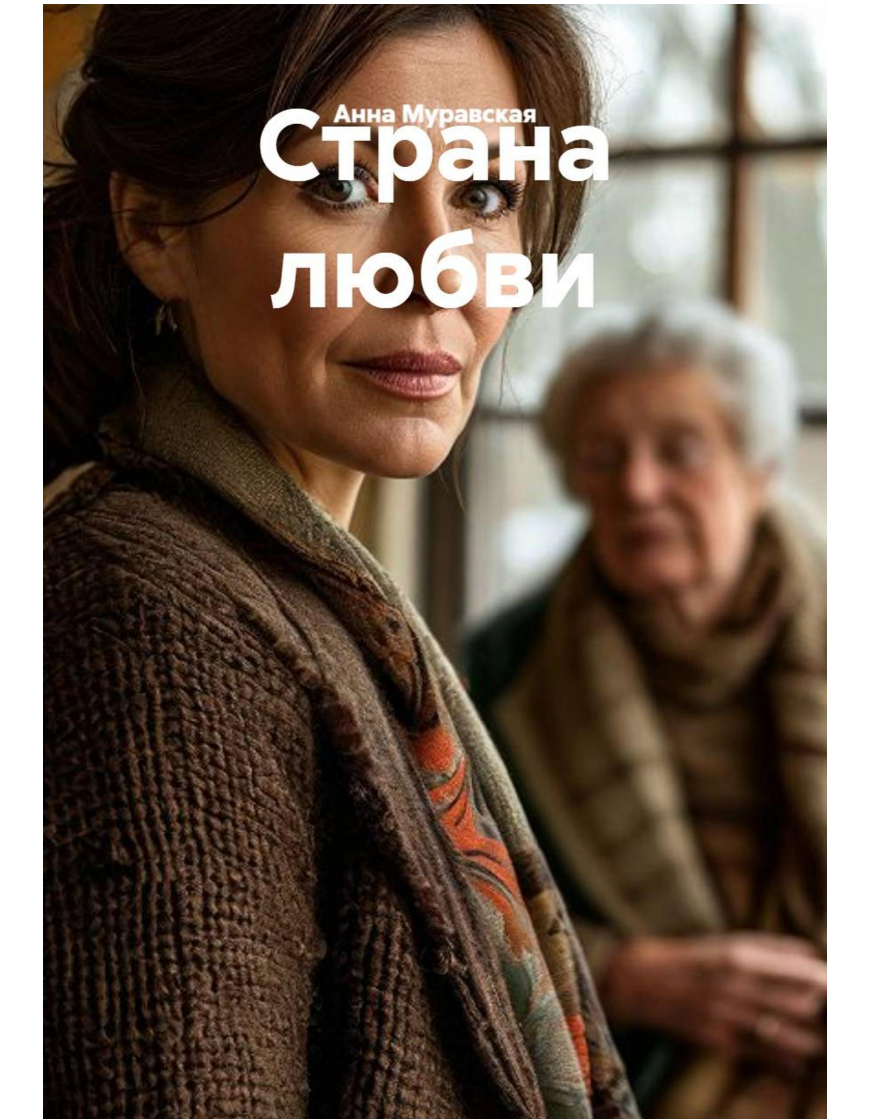

Анна Муравская

Страна любви

The image is a movie poster. It features a close-up of a woman with dark hair and light-colored eyes, looking directly at the camera with a slight smile. She is wearing a thick, brown, textured knit sweater and a patterned scarf with orange, green, and brown tones. In the background, slightly out of focus, is an elderly woman with white hair, also looking towards the camera. The background appears to be an indoor setting with large windows.

Анна Муравская

Страна любви

<https://litres.ru/74346572>

SelfPub; 2026

Аннотация

Женщина, сорока шесть лет, делает шаг в неизвестность. Оставив стабильность и устоявшуюся жизнь, она едет работать в пансионат для престарелых людей. Ее раздирают сомнения и страхи в правильности своего решения и терзают ссоры с мамой, которая недовольна дочерью и ее поступком.

В пансионате ее ждут неожиданные события и встречи с новыми людьми. Поймет ли она, что не случайно оказалась там? Найдет ли причину своих мучений и маминых претензий? Сможет ли разобраться куда двигаться дальше?

На это у нее будет всего две недели.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8

Анна Муравская

Страна любви

Глава 1

Глава 1

Чемодан оттягивал руку. Плечо болело от тяжести сумки. А душа надрывалась от недавнего конфликта с мамой.

Надя вышла из поезда. Ей было сорок шесть лет. Она ехала в пансионат для престарелых людей, где хотела подзаработать. В шумном потоке прохожих, среди оживленной суеты большого города, реальность ей виделась размытой — точно за пеленой. В голове, как в мясорубке, крутилась картинка прошлого вечера и мамины слова:

— Ну-ну! Езжай! Закуси, что за работа — уход за старыми и больными! — злорадно сказала та, отвернулась к окну и презрительно добавила:

— Выискала себе подработку! Посмотрим, что ты там зарабатываешь за две недели!

Внешне и по ощущениям мама была женщиной советского времени и стандартных взглядов по ГОСТу.

— Как теперь людям в глаза смотреть?! Юрист с образованием! Чего тебе не хватало?! Работать везде нужно! — с акцентом на слове «работать» мама закончила мудрую речь.

Каждое её слово попадало в цель и резало большее ножа.

Надя споткнулась о ступеньку метро. Нога заныла от боли, а сердце заныло еще сильнее. Мамино непонимание ее душевных поисков и терзаний давно уже стало привычным, но злорадство и презрение...

— Как это возможно?! Как она могла?! — говорила вслух Надя, улавливая странные взгляды прохожих на свой монолог.

Она представляла, как нелепо выглядит со стороны: хрупкая, стройная женщина, тащила чемодан, сумку, сумочку и пакет. От этого была похожа на запряженного в плуг лебедя.

Надя опустилась на скамейку в ожидании автобуса, а в ее душе окончательно всё опустилось от ноющего в груди упрека. С поджатыми от обиды губами и безнадежностью в глазах мама заключила:

— У всех дети как дети, а у меня... от вас ничего не допросишься!

Ох уж это «вас!». Оно рухнуло на спину и давило как бетонная плита. И сколько раз Надя умоляла маму не высказывать претензий к неизвестному количеству людей под названием «вас!». Мама так и не услышала ее.

Надя рассеянно взяла вещи и вошла в автобус. Воспоминания проносились так же быстро, как пейзажи за окном.

Вот картина перед глазами: как угостила маму полезным завтраком. Та сказала, что это вкусно, и с демонстративным отворачиванием выкинула половину. Как однажды купила маме крем для лица, который та приняла с равнодушным «спасибо» и оставила пылиться на полке. Всплыло в памяти, как Надя принесла маме интересную книжку: та улыбнулась и пробормотала иронично:

— Угу! — а затем месяц ставила на нее свою сумочку, как на подставку.

С усилием Надя вернулась к действительности и вышла на автобусной станции. Внезапно руку пронзила боль. Опустив глаза, она увидела, что сломала ноготь. Ее маникюр всегда выглядел красиво. Глянув на пальцы, Надя досадно бросила сумки и отчаянно выдохнула. В голове, как осы, кружились вопросы: «Что она хочет? В чем я виновата перед ней? Может, мама права? Куда и зачем я еду? Или от чего-то бегу?»

— Вы в пансионат? — как в тумане услышала Надя мужской голос.

Она вздрогнула, подняла глаза и увидела высокого худощавого мужчину средних лет.

— Да, — выдавила Надя неуверенно.

— Я за вами! Будем знакомы, Дмитрий — охранник из пансионата. Садитесь в машину.

Старое авто, провонявшее бензином, вызывало тошноту, а неясность происходящего и неуверенность в своих поступках — отвращение к себе.

Дорога вела через лес, втягивая еще глубже в страшную чащобу. Растерянность росла. Ноги и руки немели. Страх охватил ее целиком. Дышалось тяжело, а тошнота усиливалась. За окном мелькали заросли и огромные деревья — голова шла кругом.

«Как жутко заблудиться в лесу и в себе», — пронеслось в голове у Нади.

— Прибыли! — объявил Дмитрий.

С трудом найдя силы, чтобы открыть дверцу, Надя шагнула из машины.

Пошатываясь от слабости, огляделась. Посреди дремучего леса стояло трехэтажное здание, по-дурацки огороженное хлипким железным забором. При желании, его можно обойти или перелезть — как душе угодно. Кованые лавочки под развесистыми елями, резные скамьи на облагороженных полянках. Пост охраны и на страже четыре задорные собаки. Надя услышала щебетание птиц, веселый собачий лай, увидела огромные стародавние сосны. Лесной воздух оживил ее.

Древний лес теперь показался ей загадочным и дружелюбным — в душе потеплело.

— Спасибо! — глянула она Дмитрию в глаза с благодарностью за доставку ее, заблудшей.

Глава 2

Глава 2

Надя подхватила свои вещи и вошла в пансионат.

В вестибюле стоял кофейный аппарат.

— М-м! Жизнь налаживается! — с предвкушением протянула она сама себе, — идем дальше.

Запах затхлости ударил в нос. Взгляд невольно побежал по набитому людьми помещению, в поисках окна. Оно было открыто, но не спасало положения. Недавнее ощущение удовольствия задохнулось от недостатка кислорода.

Унылый тусклый свет «гармонировал» с затхлостью. Впрочем, впечатление было неоднозначным. Небольшой светлый холл — украшен камином, высокий шкаф заполнен книгами. На одной из стен висели оригинальные кованые часы и непримечательная картина. На другой уместился большой телевизор, для культурного досуга местных зрителей.

На мягких диванчиках и стульях разместились постояльцы заведения. Публика была разнообразной. Дряхлая старуха в меховых тапках с потертой сумочкой занимала единственное в комнате почетное кресло. На диване две дамы преклонного возраста, взявшись за руки, уселись необычайно близко друг к другу и шептались; одна из них держала

в руке мочалку. Сухонький старичок уткнулся стеклянным взглядом в телевизор, держась за пустующий стул, в центре комнаты — и почему-то не сажился. В углу расположился огромный лохматый мужик. Он отвернулся в противоположную от телевизора сторону и, опустив голову, смотрел в стену.

«Что-то здесь не так... Что происходит?.. Не может быть! Они же безумные! — ошарашено подумала Надя. — Но как же? Ведь никто не предупредил! А кто должен был думать?! Нельзя было самой догадаться? Нет, нельзя! Ну и дура же я! Как можно было не разузнать? Что теперь делать?»

Но тут ее пригласили в кабинет врача. Медицинский кабинет, с окнами до пола и сказочным видом на лес, был похож скорее на банкетный зал.

Седая женщина в медицинском халате и больших очках, какие носят только очень умные люди, разговаривала по телефону.

— Ну что вы, да-а, мы следим за этим! Да-а, все лекарства принимает! — скрипучим, медленным голосом убеждала она кого-то. Махнув головой, она указала Наде присесть.

— Сама директор приезжала! Ирина Николаевна. Проследила! Она женщина мягкая, сердечная. Всего вам доброго. — Закончив разговор, она направила свой взор на Надю.

— Без опыта значит. Решили попробовать, — монотонно бубнила она себе под нос, кивая, будто ставила Наде диагноз.

— Будут проблемы — обращайтесь, — высокомерно

предложила помощь доктор, как если бы сделала укол.

«Наверно, это главный тут человек, после Ирины Николаевны», — раздраженно подумала Надя, но разговаривать не захотела.

Открылась дверь, и в кабинет зашел лысый тощий старик в модном спортивном костюме и тапках на несколько размеров больше. Походкой дворовой шпаны он медленно поковылял к доктору. Его обвисшие щеки тряслись от возмущения. Глухим голосом, будто с того света, он залепетал:

— Где мой стул?

— Борис Моисеевич, зачем же вам три стула одному? — отстраненно спросила врач.

— Скоро всё отнимете! — затрясся от злости старик.

— Вы взяли стул у соседей. Их трое, а стульев осталось два. Как же им сидеть? — Мы его вернули, — последовал сухой ответ.

— Только возьмите еще что! — взбесился он.

— Борис Моисеевич, успокойтесь, нельзя так нервничать, — равнодушно утешила доктор.

Старик напоминал назойливую муху, которая пыталась вылететь в окно, но всякий раз билась о стекло.

Тут в дверном проеме появилась женщина. На руках татуировки по локоть. Прическа смахивала на шлем: виски коротко обриты, длинные волосы с сединой, цвета грязно-желтого песка, заплетены в афрокосички и собраны в хвост. Местным говором она спросила:

— Ты Надя. Где работала до этого?

— Я юрист, вот уволилась и... — ответила Надя, устало вдохнув воздуха, и приготовилась объясняться.

— Меня тоже зовут Надя, — перебила та и понимающе кивнула. — И я была юристом, второй год работаю здесь, старшей сиделкой.

Надя удивленно застыла. Она сразу прониклась к ней доверием и впервые ощутила легкую уверенность.

— Пошли, покурим, покажу тебе здесь всё, — сказала старшая.

Надя собрала в кучу свои сумки — и они вышли.